

Миронова Мария
Андреевна
(аннотация)

20796

МАРИЯ МИРОНОВА:

Бюджетера - 2006 - 6-12 июля - с. 9

Не надо ставить на меня клеймо

Мария МИРОНОВА — персона очень заметная в череде современных молодых актрис. Прежде всего своим темпераментом, помноженным на талант, эмоциональной отдачей и искренностью сценического и экранного существования. Одна из ведущих актрис нового поколения, она много работает — не только в труппе Ленкома, но и в антрепризных проектах. Причем очень заметных, подчас скандальных, но привлекающих к себе внимание зрителей. Ее последняя роль — Федра в спектакле «Федра. Золотой колос», представленном на сцене Театра Наций модным украинским режиссером Андреем Жолдаком, вызвавшим жаркие споры и разногласия. Дочь великого актера Андрея Миронова, Мария, конечно же, чувствует великую ответственность как продолжатель творческой династии. Пока ей это удастся делать вполне достойно.

— Когда я сказала коллегам, что иду делать интервью с Машей Мироновой, прозвучали мнения такого рода: Маша Миронова — персонаж тусовочный...

— Во-первых, я не Маша. Хочу подчеркнуть. Машей можно называть козу в огороде или кошку. Я имею уважение к газетам «Известия», огромному количеству «Правд» (несмотря на то, что для меня парадоксальным кажется существование такого количества «правд» в одной стране, при этом — разных) и прошу того же в свой адрес. И если «Московский комсомолец» называет меня Машей, мне это неприятно. И ко мне, пожалуйста, не надо обращаться уменьшительно-ласкательно.

— Я-то вообще за Марию Андреевну!

— Ну Марией Андреевной, может быть, я стану лет через десять...

— Наверное, вы правы, было бы странно, если бы в интервью с Андреем Мироновым я бы обращалась к нему: «Скажите, Андрюша? Но все же откуда могло возникнуть такое «тусовочное» представление о вас? От ваших многочисленных героинь, которые на каблуках и в шубе?

— Слава богу, они были далеко не многочисленными — на протяжении десяти лет я сознательно отказывалась от подобных предложений. Может быть, от принадлежности к поколению золотой молодежи, «детей». Я не против детей, я против каких бы то ни было навязанных стереотипов. Против того, чтобы на человеке ставили клеймо. И никогда я не была человеком тусовочным!

— Мария Андреевна, ваша последняя роль в спектакле «Федра» — настоящее открытие сезона! Несмотря на режиссерское видение темы спектакля, каждый ведь играет про свое...

— Предложение поступило от Павла Каллевича, и к тому времени, когда мы встретились с режиссером Андреем Жолдаком, я уже имела четкое видение того, чего хотелось бы мне. К счастью, наши видения сошлись. Если бы этого не случилось, работать вместе было бы проблематично. Наш альянс ни в коей мере не строился на жестком диктате. Я хочу сразу об этом сказать, потому что в последнее время мне часто задают вопросы о том, жесткий ли режиссер Андрей, диктатор ли и т.д.? Наши отношения строились только на соав-

торстве. С самого начала. С самой первой строчки. С самого первого акта, который я выучила дома, болея. Я играла то, что чувствовала по поводу этого персонажа.

— Для вас спектакль «Федра» о чем?

— Я не увидела там ни на йоту романтической любви! Мне показалось, что выход на подмостки этой героини в первом явлении первого действия — в такой степени пик существования внутреннего, психического, эмоционального, что следующим шагом может стать только безумие.

— То есть подобного рода эмоции — болезнь, а не здоровье?

— Я думаю, что это — душа, раненная, как птица. Настолько тяжело раненная, что у нее нет возможности продолжать жить. Потому что только в НЕМ она может найти то, чего она не находит в своей жизни. А как только ее хотят лишиться ЕГО, она понимает, что дальнейшая жизнь теряет смысл. Вот эта тема была для меня важна. Потом я нашла в какой-то критической статье одну замечательную мысль, которая жила у меня в подсознании: начальное существование Федры в этом сценическом пространстве — состояние зародыша. Действительно, в момент, когда Федру в самом начале привозят в эту больницу, она пребывает в состоянии зародыша, маленького ребенка; но фактически у меня получилось сыграть это уже на первом прогоне, когда выстроилась вся линия спектакля. Мы не режиссировали этого специально, заранее не планировали. Вообще, в этой работе у нас с Андреем с самого начала не было каких-то умственных рамок: «вот это будем делать так, а эта мизансцена — такая».

— Это ваш стиль работы с режиссерами? Вы всегда так активно вмешиваетесь в ход событий?

— Моя органика такова (и Андрей в какой-то момент это понял), что я делаю все по максимуму, по-честному. Я не буду себя жалеть ни на одну секунду и ничего не оставляю про запас. В принципе, Андрей работает так же: он может доводить до исступления, но он работает открыто и честно — горит тем, что делает, для него в момент репетиции не существует больше ничего. Для меня — так же. Мы сейчас репетируем «Тартюфа» с Володией Мирзоевым (мы уже работали с ним в «Двух женщинах»). Я очень люблю с ним работать, потому что у него есть мера собственного видения

М. Миронова

происходящего. И вместе с тем — дипломатичность и уважение к актеру, которые мне очень импонируют — и по-человечески, и творчески. У Андрея Жолдака все происходит на уровне конфликта, но я не могу сказать, что это — хуже.

— То есть никакой кнут или пряник не заставят вас сделать больше?

— Как только возникают кнут и пряник, я сразу ощущаю недоверие ко мне. А почему? Я считаю, что все люди созданы Богом, несмотря на то, что пребывают в разных условиях. И как я не хочу никого унижать, выражая недоверие, так и от других жду того же, будь то режиссер или просто человек.

— Вы играете так, что ваше лицо, появляющееся на экране, не поддавалось привычным оценкам: красиво — уродливо. Это было не просто лицо, а внутренний мир. Вы видели себя в видеозаписи?

— Нет! Эта работа ценна тем, что ни я, ни мое лицо мне не были интересны. Мне не хотелось никакого грима, не хотелось даже видеть себя в Федре. Потому что «я» как «я» была себе совсем не интересна.

— Вы себя совсем не находите в этой героине? И не пытались навязать ей что-то свое?

— Пожалуй, только свои ощущения от жизни, а не какие-то характерные черты. Конечно, поскольку ее играла я, хотела я этого или нет, чем-то своим невольно одарила. Но мне был интересен смысл, идея, содержание и такие, как мой персонаж, люди, живущие на этой земле (как они могут на ней выжить?!). Когда я приступала к «Федре», ощущение было на уровне «выжить!» — не больше и не меньше. Выжить, находясь в состоянии этого человека.

историю «вмешались» несколько актрис — Полина Кутепова, Ирина Гринева и я. Мы существовали в этих же предлагаемых обстоятельствах при полной свободе импровизации — что хотим, то и играем.

— Мария Андреевна, в периоды, когда вы выпадали из «горячей обложки» персон, к которым было приковано внимание СМИ, когда возникали простои, у вас не было сомнений в правильности выбранного пути?

— Никогда в жизни у меня не было ни остановок, ни сомнений! Вы знаете, если бы в ситуации моего рождения в такой семье, у меня появилось хоть малейшее сомнение, я бы просто не выжила в профессии, стала бы домашней хозяйкой или открыла салон косметических услуг. Безусловно, сомнения в себе были, но сомнения в моем желании и вере — никогда!

— Что у вас нового затевается в кино?

— В этом году я успела сняться в замечательном материале — Бог подарил мне встречу с Сергеем Говорухиным. Совершенно уникальный человек — потрясающий писатель, сценарист, и это его дебют как режиссера. История, которая называется «Никто кроме нас», думаю, в ней много автобиографического. Фильм о войне в Таджикистане, о большой любви человеческой. Мы должны его закончить в конце года.

— Что смотрите сегодня в театре?

— Мне интересен Някрошюс. Потому что там — великий режиссерский талант. Один из тех режиссеров, у которого нет желания нравиться, у которого колоссальный заряд мысли — человеческой и режиссерской, настолько сформулированной и сфокусированной каждую секунду на происходящем на сцене, что когда я смотрю на результат, то не вижу «швов». Это — единый душевно-мыслительный процесс, ежесекундный ракурс стопроцентно своего видения этой жизни. Я считаю, что и у Андрея Жолдака есть огромный потенциал большого художника, если он не будет увлекаться своим формальным диктаторским имиджем. Потому что, как мне кажется, чтобы сделать что-то по-настоящему великое, надо постоянно ломать созданные стереотипы. Если ты их не ломаешь, не говоришь себе: я ничего не знаю! я ничего не понимаю про эту жизнь! я хочу начать снова! — не происходит никакого роста.

— На премьере «Федры» был Александр Сокуров. Он что-то сказал вам по поводу спектакля?

— Я даже не хочу говорить, что он сказал, потому что не хочу отдавать этого всем. Мне это близко, дорого. Может быть, спектакль «Федра» я ради этого зрителя и сыграла. Ради одного этого человека в зале.

Беседу вела
Светлана ПОЛЯКОВА
Фото Андрея БЫХОВА